

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦА НА 2022 Г. ЧАСТЬ IV.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при
Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Cornell Svante E., Barro Albert. Barro Albert. Social Reforms in Kazakhstan. . – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 74 p.

Сванте Е.Корнелл и Альберт Барро, начавшие в 2001 году серию о политических реформах в РК (аналогичная серия выходила в свет об Узбекистане в 2016-2018 гг.) под руководством К.Токаев, продолжили в этом году, выпустив отдельно работу «Социальные реформы в Казахстане».

Основные тезисы исследования повторяют предыдущее. Как только в 2019 г. Токаев пришел к власти, он сразу же заговорил о необходимости реформ всех областей жизни. Авторы считают, что наиболее успешной сферой была образовательная, основы которой заложил Н.Назарбаев. Повестку

дня «Казахстан 2050» авторы считают наиболее амбициозной в истории постсоветского Казахстана. В экономической сфере реформы преследовали три цели: превращение республики в «хлебную корзину» Евразии, максимально возможную индустриализацию и цифровизацию страны.

В целом, после реального ухода Первого Президента у К.Токаев оказались развязанными руки в плане реформ. Но бурные события января 2022 г. имели в политической области обратный эффект – усиление президентских полномочий (как это имело место в 2020 г.) после начала с эпидемией коронавируса. Чтобы сломать негативные тенденции, К.Токаев выдвинул в Послании 1 сентября 2022 г. новый глобальный лозунг: «успешное государство,

одна нация, процветающее общество». Однако для авторов осталось неясным проведение досрочных президентских и парламентских выборов: было ли это частью проводимых реформ или же борьбой с остатками креатуры Н.Назарбаева.

В общем, авторы видят залог успеха токаевских реформ в налаживании системы государственного менеджмента и других государственных институтов.

Вильемини Ф. Казахстан: конец эпохи: тридцать лет неолиберализма и геополитика в сердце земли. – Roma, Venezia: Istituto di Geopolitica, 2022 – 195 р.

Наш старый коллега и товарищ Фабрицио Вельямини, много лет проживший в Казахстане, решился подготовить собственную монографию. Она носит эпохальное название «Казахстан: конец эпохи», которое призвано подчеркнуть рубежный исторический характер переживаемой нами эпохи. Хорошо зная историю страны, автор придает ей многоплановый характер. Первую часть он посвящает истории и основам казахстанской внешней политики. Вторая часть по-

священа исключительно роли Н.Назарбаева в истории постсоветского Казахстана. Следует отметить, что исследователю очень высоко оценивает вклад Первого Президента в строительство политических институтов современного Казахстана.

Автор отмечает, что в первую очередь в экономическом отношении местная номенклатура принимает господствующие неолиберальные модели. Таким образом, демонтируются общественные структуры, расстраивая пеструю социальную ткань и с самого начала подтачивая хрупкие основы ее существования. Параллельно Казахстану пришлось переосмыслить основы своей идентичности по формулам национального государства и представительной демократии (так называемая переходная парадигма). Эти преобразования были обусловлены сопутствующим подрывом международных отношений сил, характеризующимся попыткой США установить однополярный мир вокруг своей гегемонистской силы. В этом контексте Казахстан интегрируется в международную систему, превращаясь в производителя нефти, в полном соответствии с интересами Запада, которые

таким образом получают рычаги влияния, определяющие его судьбу.

Казахстан, учитывая его размер и богатство, управляемый проницательным лидером Нурсултаном Назарбаевым, становится местом встречи великих деятелей международной политики. Благодаря миллионам, потраченным на имиджевые кампании, Н.Назарбаев может похвастаться отцовством «казахстанской модели» интеграции народов и религий.

Несомненно, представляют интерес такие сюжеты как возникновение в республике гибридного общества; влияние Китая на общее международное положение РК и его внутреннюю и экономическую политику. Вторая часть книги носит название «Новая холодная война» и конец режима Назарбаева: куда идет Евразия?». Здесь представлены такие темы как сложные и противоречивые отношения с Россией (Казахстан проверяет евразийские амбиции России); взлет и упадок «западного» вектора; роль турецкого фактора. В финале работы автор выделяет события 2022 года. Он подчеркивает, что все останавливается после начала 2022

года, когда гигант внезапно погружается в хаос. Распад страны имеет значение, выходящее за ее обширные границы. Под сомнение ставятся либеральная и националистическая модели, вдохновившие постсоветское возрождение, а также все западное присутствие на постсоветском пространстве.

В этом году карты были перетасованы, но Казахстан остается в центре «Большой игры», в которой Соединенные Штаты и Россия соревнуются за контроль над мировым перекрестком в Центральной Азии, в то время как китайцы, похоже, пользуются спором, чтобы включить регион в их «Новом шелковом пути». В условиях «новой холодной войны», противопоставляющей НАТО России Владимира Путина, этот гигант с глиняными ногами рискует быть раздавленным, как показали события 2022 года. И все-таки Ф.Вельяминов с надеждой смотрит в будущее Казахстана, которое он связывает со строительством и интеграцией РК в рамках новой единой Евразии.

Thibault Hélène, Caron Jean-François (eds.) Uyat and the Culture of Shame in Central

Asia. The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia. – L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2022. – XII+176 pp.

Издательство «Макмиллан» подготовило в 2022 г. любопытное исследование – «Уят и культура стыда в Центральной Азии. Издатели знают наш регион не понаслышке: оба многие проработали в Назарбаев-университете.

Книга посвящена роли стыда в общественном создании и общественной жизни населения региона. В работе рассматриваются в основном примеры Казахстана и Киргизии. Но истинной целью является показать негативный эффект на положение женщин в регионе. То есть, мы имеем дело с типично феминистским изданием. В работе показана также реакция молодого поколения на данное явление. Авторы даже сумели показать эту роль в политической жизни. В сфере теории авторы считают, что это явление является продуктом колониализма и коммунизма.

Insebayeva Nafissa. Modernity, Development and Decolonization of Knowledge in Central Asia: Kazakhstan as a Foreign Aid Donor. – Singapore:

Palgrave Macmillan, 2022. – XI+138 pp.

Отрадно видеть, что традиция издавать политологов из Центральной Азии и Казахстана на Западе. Наша соотечественница Нафиса Инсебаева (Фонд Ниппон, Япония) поддержала эту традицию, выпусти в Сингапуре исследование «Современность, развитие и деколонизация знания в Центральной Азии: Казахстан как донор внешней помощи». Книга посвящена трансформации Казахстана из реципиента в донора в области оказания внешней помощи. Хронологически автор освещает период с 2016 по 2019 гг. Но процесс перехода РК в новый статус в качестве официального представителя соответствующих международных институтов и проводника внешней помощи в ЦА начался еще в 2014 г. Основной вывод исследовательницы сводится к тому, что Казахстан в советский и постсоветский периоды представляет собой довольно редкий пример выпадения из привычной схемы «первый-второй-третий мир», отношений Север-Юг и представлений (господствовавших в западной политологии) о постколониальном мире.

Engvall Johan. Between Bandits and Bureaucrats: 30 Years of Parliamentary Development in Kyrgyzstan. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 132 p.

Дж.Энгвалл (ветеран команды проф. Ф.Старра в Институте Центральной Азии и Кавказа при университете Дж.Хопкинса) выпустил книгу с характерным названием – «Между бандитами и бюрократами: 30 лет парламентского развития Киргизстана». Фактически, данная работа представляет собой историю создания и крушения парламентской модели в этой республике. Автор исходит из того, что в 2010 году (после свержения К.Бакиева, пытавшегося установить твердую президентскую власть по казахстанской модели) Киргизстан перешел к полной парламентской системе правления. Но уже через десятилетие в 2021 г. киргизский электорат одобрил возвращение к президентской форме правления, и в мае того же года была принята президентская конституция.

Исследователь исходит из того, что партийная система КР

страдала от имманентных недостатков: крайней фрагментации, слабой институализации, обслуживания частных интересов в ущерб политическим задачам, стоящим перед страной. К изъясам автор относит также отсутствие идеологических платформ и конкретных политических программ, культурное и националистическое давление, вызванное специфическими чертами исторической памяти киргизской нации. Тем самым, в отличие от Армении, Грузии и Молдовы, где сложились относительно устойчивые парламентские системы, в Киргизстане к 2020 г. начался хронический кризис парламентаризма.

Автор разделил историю киргизского парламентаризма на следующие этапы: «Легендарный парламент» (гл.1), зарождение политической конкуренции (гл.2), выход парламентской оппозиции на улицы (гл.3), «Революционный парламент» (гл.4), «Бакиевский карманный парламент» (гл.5), становление многопартийного парламентаризма (гл.6), коллапс политического представительства (гл.7), «последний новый парламент» (гл.8), «распаковка» парламентского представительства (гл.9).

В последней главе автор особо отмечает в специальном разделе роль Жогорку Кенеша как рыночного объекта.

В итоге автор приходит к следующим неутешительным выводам. ВС КР (Жогорку Кенеш) является зеркалом политической и социальной жизни республики в течение трех десятилетий, будучи сначала источником надежд, а затем – источником разочарования. Деятельность парламента все более сводила на нет уровень политического представительства и степень государственной независимости Киргизии. По мере институализации киргизского парламентаризма одновременно наблюдалась деградация человеческого капитала. Законодательная деятельность Жогорку Кенеша носила бессистемный и хаотичный характер. Все происходило на фоне реального ослабления функций политического представительства парламента, что стало особенно очевидным после 2015 г. Таким образом, делает заключительный вывод Дж.Энгвалл, в евразийском контексте эксперимент по внедрению в Киргизстане парламентской системы сделал из республики изгоя среди всех республик Центральной Азии.

Knoope Peter, de Leede Seran (eds.). Negotiating Gender in Central Asia: The Effect of Gender Structures and Dynamics on Violent Extremism. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2022. – 164 p.

Сборник «Переговоры по гендерным вопросам в Центральной Азии: эффект гендерных структур и динамика насильственного экстремизма» (под ред. П.Кнопу и С. Леде) посвящена необычной теме. Речь идет о применении насилия в отношении женщин на половой основе. В Киргизии, например, автор соответствующего раздела говорит о «войне против женщин». В целом эти процессы вытекают из роста и возрождения патриархальных отношений и исламизации региона. Два раздела книги затрагивают участие женщин (из Узбекистана и Казахстана) в сирийском конфликте, вопросы их «демобилизации» и адаптации к нормальной жизни.

Starr S. Frederick. Rethinking Greater Central Asia: American and Western Stakes in the Region and How to Advance Them. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. –

Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 41 p.

Проф. Фредерик Стар, автор нашумевшей в свое время концепции «Большой (т.е. расширенной) Центральной Азии» решил с учетом изменившейся геополитической ситуации откорректировать собственную теорию. Напомним, что эта концепция подразумевала объединение региона ЦА с Афганистаном и другими государствами Южной Азии в некий единый геоэкономический конструкт. То есть, фактически подразумевалось, что страны ЦА на себя бремя экономического, прежде всего энергетического, содержания южного соседа. Проект, естественно, провалился, и единственным его следствием стали встречи в дипломатическом формате 5+1 под эгидой США.

Ф.Старр отталкивается от двух геополитических шоков последнего времени: панического бегства американцев из Афганистана и вторжения России на Украину. По его мнению, изменение военно-политической ситуации в Афганистане усилило изоляцию региона и его зависимость от России. Однако, продолжают другие проекты: Юг-Север (через Ин-

дию и Иран) и Каракорумский мост из Китая в Пакистан. Все они, так или иначе, касаются Центральной Азии. Но США и Европа остаются вне этого геополитического процесса. Таким образом, подытоживает автор, республики ЦА попадают в транспортном смысле в еще большую зависимость от России и Китая. В этих условиях США и ЕС должны в своей политике в отношении Центральной Азии использовать влияние Турции и государств Персидского залива.

Автор не скрывает опасений, что после Украины Россия может продолжить процесс восстановления советской зоны за счет центральноазиатских республик. Соответственно роль Афганистана (для Запада) не только остается важной, но и возрастает. Также Вашингтон должен восстановить в прежнем и большем объеме свое стратегическое влияние на Пакистан, который единственный, кто способен манипулировать Талибаном. Основные препятствия на пути реализации западной стратегии в Евразии и Центральной Азии Ф.Старр видит в руководимой Пекином ШОС и руководимым Москвой ЕАЭС.

В конечном итоге автор при-

зывает пересмотреть официальную стратегию США в отношении Центральной Азии. В этом случае Вашингтону понадобится поддержка Великобритании, Турции и Евросоюза. Таким образом, несмотря на тот факт, что проф. Старр назвал свою работу «Пересмотр Большой Центральной Азии», смысл остался тот же. Все упирается в Афганистан как инструмент реализации стратегии Запада по отрыву региона от Большой Евразии.

Российско-китайский диалог: модель 2022: доклад № 78. 2022. А. В. Кортунов, К. В. Бабаев, Чжао Хуашэн, Лю Хуацинь и др.; под ред. И. Н. Тимофеева, П. В. Бакулиной, Е. О. Карпинской и др. Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2022. — 82 с.

Центральноазиатская проблематика рассматривается в традиционном обзоре «Российско-китайский диалог» (РСМД) за 2022 г. в евразийском масштабе и в контексте взаимодействия Западу, политики ШОС и реализации проектов ЕАЭС и Один пояс, один путь.

В работе отмечается, что Москва и Пекин одинаково заинтере-

ресованы в безопасности и процветании стран Центральной Азии и Евразии в целом, хотя по отдельным аспектам их интересы могут не совпадать. Экономическое влияние Китая в Центральной Азии растет, одновременно укрепляется и влияние России в сфере безопасности, особенно после вывода американских войск из Афганистана. Москва и Пекин осознают, что только при условии уважения разумных и законных прав и интересов друг друга в регионе удастся поддерживать стабильность и тренд на развитие.

Евразийский регион поделен авторами на субрегионы: Центральную Азию, Южный Кавказ и Новую Восточную Европу, — в каждом из которых существуют конфликты между соседями или противоречия, связанные с расхождениями их интересов. Неоднородность не позволяет обобщать наблюдаемые тенденции, проблемы и интересы стран региона. Так, государства Центральной Азии взаимодействуют со всеми крупными игроками от России и КНР до Индии, Пакистана, США и ЕС.

Москва стремилась продвигать идею диалога ЕС и ЕАЭС,

что, по оценкам российских экспертов, с геополитической точки зрения можно объяснить желанием уравновесить влияние Китая в регионе. В 2019 г. Европейский союз обновил стратегию по отношению к странам Центральной Азии. В документе подчеркиваются такие интересы ЕС, как использование транзитного потенциала региона, импорт энергоносителей и доступ на рынки стран ЦА. На последнем месте в этом списке – региональная безопасность. Евросоюз и страны Центральной Азии взаимодействуют в формате встреч министров иностранных дел стран региона с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности и европейским комиссаром по международному партнерству. В ноябре 2021 г. на очередной встрече обсуждалась ситуация в Афганистане, и государствам ЦА обещали выделить практически половину средств из пакета помощи Кабулу общим объемом около 1 млрд. евро. С 2010 г. Инвестиционный фонд ЕС для Центральной Азии выделяет средства на реализацию проектов по окружающей среде, энергетике и развитию социальной инфраструктуры в

регионе.

В 2015 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди совершил турне по странам Центральной Азии, после чего официальное взаимодействие Нью-Дели с региональными государствами на разных уровнях интенсифицировалось. С 2019 г. проходит Диалог «Индия — Центральная Азия» на уровне министров иностранных дел, последняя встреча в рамках которого состоялась в декабре 2021 г. в Нью-Дели. Секретари советов безопасности государств ЦА приняли участие в Третьем региональном диалоге по безопасности по Афганистану в индийской столице в ноябре 2021 г., где был представлен общерегиональный подход к ситуации в стране.

27 января 2022 г. состоялся первый саммит в формате Центральная Азия — Индия в связи с 30-летием установления дипломатических отношений с государствами региона, которые входят в ареал «расширенного соседства» Нью-Дели. Подобные мероприятия планируется проводить один раз в два года. С точки зрения экономического влияния на страны Центральной Азии Индия не представляется конкурентом

для России и КНР, хотя объемы торговли и планируется увеличить. Однако политический интерес Дели к этим государствам важен в контексте развития внутрирегиональной динамики и взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Распространение индийской мягкой силы в регионе способно сгладить дисбаланс во внешнем социокультурном влиянии на Центральную Азию, где в отдельных странах, например, в Казахстане и Киргизии, мягкая сила США и ЕС превалировала на многих направлениях.

Между продвижением мягкой силы России, КНР и Индии не должно быть идейных противоречий, так как все эти государства входят в ШОС. Москве, Нью-Дели и Пекину важно понимать, что влияние каждого члена этой организации по отдельности складывается в общее идейно-культурное поле, которое в том числе и представляет собой основу «шанхайского духа». К моменту принятия Индии и Пакистана в ШОС в 2017 г. КНР и Россия уже не считали их присутствие в Центральной Азии угрозой своему влиянию, а изменение геополитической обстановки

в мире в 2022 г. делает расширение присутствия Нью-Дели (и Исламабада) в регионе как альтернативы западному влиянию еще более выгодным для России.

При этом ни ШОС, ни ОПОП не позиционируются их членами как «анти-западные» проекты. В среднесрочной перспективе в рамках ШОС, по мнению российских экспертов, было бы правильным обсудить сочетаемость различных вариантов взаимодействия и интеграционных механизмов для понимания того, не пересекают ли они «красные линии» государств-членов, и выработать стратегии сопряжения либо размежевания таких экономических, культурных, информационных, медицинских и других инициатив.

Вместе с тем в отдельных областях наблюдается определенная конкуренция между Россией, КНР и Индией в Центральной Азии, например, в сфере «вакцинной дипломатии» и медицины в целом. Именно соперничество за влияние в регионе выступает движущей силой, которая стимулирует Москву, Пекин и Нью-Дели делать выгодные предложения по поставкам вакцины, безвозмездной помощи, расши-

рению торгово-экономического сотрудничества. В связи с этим для самого Центральноазиатского региона соперничество и конкуренция держав — членов ШОС приносит только выгоду.

По сравнению с другими региональными и глобальными державами Пакистан в целом уделяет меньше внимания сотрудничеству с Центральной Азией как с отдельной зоной. Определенным преимуществом Исламабад считает свое географическое положение, благодаря которому взаимодействие позволяет странам ЦА и западным территориям КНР получить доступ к теплым водам Аравийского моря и порту Гвадар — самому короткому пути отсюда на Ближний Восток и в Западную Азию. Весной 2021 г. было подписано соглашение о строительстве железной дороги Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар, которая будет возводиться в течение пяти лет и свяжет Узбекистан, Афганистан и Пакистан.

Для Ташкента, активно проводящего политику усиления взаимодействия Центральной Азии и Южной Азии, этот проект позволяет диверсифицировать транспортные маршруты в дополнение к выходу к морю

через иранские порты. В июле 2021 г. в столице Узбекистана прошла международная конференция высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», направленная на обсуждение модели взаимовыгодной стратегической связки «Центральная Азия — Южная Азия» в транспортно-логистической, энергетической, торговой, производственной, инвестиционной, технологической и культурно-гуманитарной сфере.

Ситуация в Центральной Азии отличается сложностью и изменчивостью, регион по-прежнему сталкивается с такими угрозами, как терроризм, религиозный экстремизм, транснациональная преступность, торговля наркотиками, нелегальная миграция, нестабильность в Афганистане, экологические катастрофы и т. д. Все это может нанести ущерб интересам двух стран. Безопасность и внутривнутриполитическая стабильность в Центральной Азии важны для России и Китая: они не могут допустить, чтобы турбулентность в государствах Центральной Азии спровоцировала нестабильность в граничащих с ними регионах

двух стран. Москва и Пекин поддерживают местные политические системы и системы государственного управления, они не заинтересованы в дестабилизации Центральной Азии в результате действий внешних акторов — инспирированных Западом «цветных революций» или проникновения религиозно-экстремистских и террористических сил.

Россия обладает рядом специфических интересов в регионе. Во-первых, Центральная Азия представляется ключевым участником евразийского интеграционного процесса под эгидой Москвы. Она будет прикладывать все усилия для укрепления ведущей роли ЕАЭС в регионе и продвижения интеграции в рамках Содружества независимых государств (СНГ). Во-вторых, Центральная Азия выступает стратегически важным регионом для России с точки зрения энергетического сотрудничества. В-третьих, Москва заинтересована в трудовой миграции из стран ЦА. За счет нее Россия может восполнить дефицит рабочей силы на низкоуровневых позициях на рынке труда, опираясь в том числе на широкое распространение русского языка в регио-

не, что упрощает интеграцию мигрантов. Переток избыточного человеческого капитала из Центральной Азии, в свою очередь, помогает сохранить социальную стабильность в государствах — экспортерах трудовых ресурсов. Кроме того, переселение в РФ способствует продвижению российской мягкой силы в Центральной Азии. Денежные переводы мигрантов играют заметную роль в содействии развитию некоторых стран региона. И в этом отношении возможности России несопоставимы с китайскими.

По оценкам авторов из КНР, к интересам Москвы в Центральной Азии также можно отнести балансирование влияния США и Китая за счет углубленного сотрудничества со странами региона в политике, экономике, энергетике, безопасности и в гуманитарной сфере.

Интересы Пекина в Центральной Азии связаны со следующими факторами. Во-первых, благоприятная ситуация в регионе важна для поддержания без-опасности, стабильности и высоких темпов развития западных регионов КНР. Страны Центральной Азии в целом проводят многовек-

торную и сба-лансированную внешнюю политику, не ориентируются на какую-либо одну державу и поддерживают мирное сосуществование и сотрудничество внутри региона, что отвечает интересам Пекина.

Во-вторых, Центральная Азия важна для Китая с точки зрения диверсификации источников энергии. КНР поддерживает целую сеть поставок нефтегазовых ресурсов, в которую входит и этот регион, что позволяет гарантировать энергетическую безопасность страны. Торговля энергоресурсами также позволяет укреплять сотрудничество, отвечая экономическим интересам соответствующих государств ЦА.

В-третьих, Центральная Азия — важный полигон для ОПОП. Благодаря строительству Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а также реализации конкретных проектов в его рамках Пекин способствует повышению уровня связанности инфраструктуры и эффективности деловых операций в регионе, а также улучшению условий для его интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. В-четвертых, расширяя масштабные разноуровневые

и многопрофильные обмены и углубляя сотрудничество в гуманитарной сфере, Китай укрепляет взаимопонимание между народами КНР и стран Центральной Азии, в особенности на молодежном уровне, и создает региональное сообщество единой судьбы.

Россия имеет ряд очевидных преимуществ в реализации своей политики в Центральной Азии по сравнению с Китаем. В области безопасности для ОДКБ, лидирующую роль в которой играет Москва, характерны высокий уровень институционализации и эффективная система внутренней координации. В силу исторических и иных причин Россия занимает более устойчивые позиции в Центральной Азии в области энергетики. Кроме того, уровень вовлеченности РФ в образовательную и научную деятельность в странах региона несоизмерим с китайским. Вместе с тем, по китайским оценкам, перспективы создания политического альянса в регионе, в том числе на базе ЕАЭС, невелики. Некоторые страны обеспокоены тем, что такое объединение наносило бы ущерб их статусу независимых суверенных государств.

Кроме того, менее экономически развитые центральноазиатские акторы при вступлении в ЕАЭС были заинтересованы именно в создании новых точек роста в партнерстве с Россией.

В китайских академических кругах принято считать, что экономические проблемы, социальная напряженность и недостатки в государственном управлении, с которыми столкнулись страны Центральной Азии, на первый взгляд вызваны негативным влиянием COVID-19, однако на деле все они есть следствие запоздалых социальных, политических и экономических преобразований. Россия и Китай предоставляли помощь странам региона в борьбе с заболеваемостью: были направлены тест-системы, медицинские бригады²⁸ и вакцины против коронавируса. Кроме того, Москва приняла специальные меры по улучшению положения трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, а Пекин расширил закупки сельскохозяйственной продукции из региона, особенно из Казахстана.

Негативное влияние на безопасность ЦА может оказать ситуация в Афганистане, сложившаяся после вывода американ-

ских войск. Во-первых, занятие Талибаном лидирующих позиций спровоцирует активизацию религиозных экстремистских сил в странах Центральной Азии, в результате чего местные власти столкнутся с более сложными политическими проблемами и вызовами в области безопасности. Республики Центральной Азии могут стать более зависимыми от России в вопросах военной безопасности, что, по китайским оценкам, создаст угрозы сохранению их автономности.

Ожидается, что центральноазиатские страны, столкнувшись с угрозами безопасности со стороны Афганистана, повысят свои требования к ШОС, в том числе к России и Китаю. Возрастут запросы на предоставление специального оборудования, обучение персонала и совместное патрулирование в приграничных районах.

Позиции России и Китая в вопросах поддержания мира и стабильности в Центральной Азии, борьбы с «тремя силами зла» и недопустимости длительного присутствия здесь вооруженных сил внерегиональных держав схожи. Две страны готовы к совместным действиям, включая консультации на

высоком уровне, обмен информацией, совместные военные учения, совместные заявления и т. д. Китай понимает, что Россия имеет большее влияние на ситуацию в области безопасности в Центральной Азии, чем КНР, и надеется, что Москва продолжит играть стабилизирующую роль в регионе.

Западные эксперты постулируют конкуренцию между Китаем и Россией в ЦА и даже заявляют о неизбежности их конфликта. Однако российско-китайские отношения стратегического взаимодействия существуют не только на словах, они не вынужденная мера, а осознанный выбор: только при условии уважения Россией и Китаем разумных и законных прав и интересов друг друга в регионе удастся сохранить стабильность и тренд на развитие, а ШОС и ОДКБ смогут гармонично развиваться и дополнять друг друга.

В январе 2022 г. в Казахстане вспыхнули беспорядки, страна пережила самый тяжелый кризис за 30 лет независимости. Президент Касым-Жомарт Токаев запросил помощь ОДКБ. РФ сыграла заметную роль в урегулировании ситуации, отмечалось российско-ки-

тайское стратегическое сотрудничество. Во-первых, Москва и Пекин сходятся во взглядах на причины обострения. Официальные лица в обеих странах склонны считать, что беспорядки инициированы внешними силами, однако, по мнению многих представителей академических кругов, внутривнутриполитический кризис был вызван противоборством политических сил и экономическими трудностями.

Во-вторых, несмотря на различия в масштабах реакции России и Китая на кризис в Казахстане, между ними налажена координация. Москва — член ОДКБ и имеет оперативный канал связи с Нур-Султаном, что позволило ей сыграть важную роль в стабилизации ситуации. У Пекина есть важные экономические и стратегические интересы в Казахстане, и сотрудничество с Москвой представляется наилучшей возможностью для их защиты. По оценкам некоторых китайских экспертов, в результате кризиса Россия восстановила стратегическое влияние на Казахстан, что внесло вклад в изменение геополитического устройства постсоветского пространства.

Ввиду краткосрочности кри-

зиса и его комплексного характера крупные внешние игроки не успели оказать сколько-нибудь существенное влияние на его течение, хотя в России и Казахстане распространялись слухи о возможном вмешательстве США. Возможно, события повлияли на решение о передаче власти в Туркменистане путем проведения досрочных президентских выборов в марте 2022 г. По мнению российских экспертов, результатом кризиса в Казахстане в январе 2022 г. стало усиление ОДКБ как региональной организации, так как блоку удалось провести свою первую реальную коллективную операцию.

Таким образом, заключают авторы, кризис в Казахстане продемонстрировал, что в Центральной Азии сохраняются риски дестабилизации в связи с деятельностью террористических и экстремистских движений или с вмешательством внешних сил. Это не отвечает интересам ни стран ЦА, ни России и Китая. Москва и Пекин разделяют общие потребности в сохранении стабильности здесь, и их сотрудничество может стать важной основой региональной безопасности.

Sahakyan Mher D., Gärtner Heinz (eds). China and Eurasia. Rethinking Cooperation and Contradictions in the Era of Changing World Order. – London, New York: Routledge, 2022. – XV+246 pp.

Работа «Китай и Евразия: пересмотр сотрудничества и противоречий в эру меняющегося мирового порядка» под ред. М.Саакяна (дир-р Совета Китай-Евразия по политическим и стратегическим исследованиям Армении) и Г.Гертнера (Департамент политических исследований Венского университета) продолжает тему расширяющегося китайского присутствия в Евразии. Один из руководителей проекта М.Саакян уже обращался к данной теме в своей персональной монографии «Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и Армения», сфокусированной на его родине и регионе Южного Кавказа. В работе проанализировано влияние инициативы «Один пояс, один путь» на мировое политико-экономическое положение, а также дана оценка вышеупомянутой инициативе с точки зрения национальной безопасности Китая. Целью работы является составление стратегической «дорожной карты», по-

средством которой государства Евразии могут быть вовлечены в китайский политико-экономический проект, содействуя политическому, военно-техническому, финансовому и экономическому сотрудничеству между Китаем и евразийским пространством.

Книга состоит из пяти частей, где первая посвящена собственно постановке проблемы соотношения Китая, Евразии и нового мирового порядка. Вторая часть охватывает проблематику транспортных коммуникаций между КНР и странами Евразии. В третьей части отдельно рассматривается китайско-российское сотрудничество с учетом наступления нового мирового порядка и взаимодействия в рамках двух проектов – российского (Большая Евразия) и китайского (ОПОП), а также двух организаций – ЕАЭС и ШОС. Четвертая часть рассматривает место Евросоюза, Западных Балкан, Южного Кавказа и ОПОП в рамках евразийской интеграции. И наконец, пятая часть изучает взаимоотношения Китая с растущими экономическими державами Азии – Советом сотрудничества стран Персидского залива и треугольником АСЕАН-КНР-Индия.

В целом, данная проблематика достаточно подробно изучалась в других изданиях, которых мы касались ранее. Авторы данного издания специально останавливаются на позициях средних и малых стран в отношении китайского проекта ОПОП и специфике их интересов и целей. Представляет интерес анализ авторами методов, действующих акторов. Так, формирование многополярного мира в Китае видится посредством укрепления связей с Евразией, в России – через Азию; и оба демиурга евразийской интеграции намерены максимально задействовать такие региональные институты как ЕАЭС и ШОС, а также взаимодействие на двустороннем уровне – РФ-ЕАЭС, РФ-ШОС, КНР-ЕС, КНР-АСЕАН и др.